

## РЕЛИГИОЗНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ЭВОЛЮЦИИ МИГРАЦИОННОГО ПРАВА

Расилов Сергей Саяф оглы

Самостоятельный соискатель, Ташкентский государственный юридический университет,  
Ташкент, Республика Узбекистан

ORCID 0000-0002-0291-0409, [S.Rasilov@mail.ru](mailto:S.Rasilov@mail.ru)

<https://doi.org/10.5281/zenodo.17099168>

**Аннотация.** В исследовании анализируются религиозные и исторические аспекты формирования миграционного права как комплексного правового института. Показано, что античные категории статуса чужеземцев, институт убежища в каноническом праве, иудейские предписания о защите «пришельца», а также исламская концепция «мустамин» стали ценностной основой последующей универсализации международных стандартов. Особое внимание уделяется переходу от религиозно-этических к секулярным формам регулирования в период раннего модерна и кодификации норм в XX веке (Конвенция о статусе беженцев 1951 г., Протокол 1967 г., принцип non-refoulement). Современное развитие миграционного права рассматривается сквозь призму конфликта между гуманистическими ценностями и государственным суверенитетом. Кроме того, сопоставлены позиции Н.Н. Зинченко, И.А. Умновой-Конюховой и С. Сассен. Обосновывается авторская позиция о гибридной природе миграционного права, сочетающего национальные, международные и религиозные начала.

**Ключевые слова:** Миграционное право; эволюция; религиозные традиции; jus asyli; мустамин; международное гуманитарное право; принцип non-refoulement; государственный суверенитет; гуманизм.

Проблематика миграции как социального и правового феномена имеет глубокие корни, уходящие в античность и религиозные традиции. С древнейших времён человечество сталкивалось с необходимостью регламентации перемещений людей — будь то войны, торговые контакты, переселения народов или вынужденные миграции. Эволюция миграционного права неразрывно связана с двумя фундаментальными источниками — историко-правовыми практиками древних обществ и религиозно-этическими установками, которые определяли отношение к «чужеземцу» и «пришельцу». Современные международные стандарты, такие как Конвенция о статусе беженцев 1951 г.<sup>1</sup> или Глобальный договор о миграции 2018 г.<sup>2</sup>, представляют собой результат тысячелетнего пути, в котором античные нормы и религиозные традиции оказали решающее воздействие.

Античное право демонстрирует первые формы правового регулирования статуса чужеземцев. В Римской империи существовала категория peregrini, которая обозначала иностранцев, находившихся под властью Рима, но не обладавших полным объёмом гражданских прав. Как отмечает М. Казер, римское право чётко дифференцировало граждан, латинов и peregrinos, что стало прообразом современных правовых режимов мигрантов.<sup>3</sup> В греческих полисах статус метойков (постоянных иностранцев) был сопряжён с обязанностью уплаты особого налога и ограничением политических прав.

Тем самым античное право задало основную дихотомию «гражданин — чужеземец», которая сохраняет значение до сих пор.

Средневековый период ознаменовался усилением влияния религиозных институтов.

Именно религия обеспечивала первые универсальные стандарты защиты чужеземцев. В иудейской традиции закреплялось требование гуманного отношения к «геру» — пришельцу. В книге Второзакония (10:19) прямо сказано: «Любите пришельца, ибо сами были пришельцами в земле Египетской».<sup>4</sup>

Особое развитие эти положения получили в талмудическом праве, где обсуждались нормы о статусе герим (пришельцев) и обязанности общины обеспечивать им защиту и участие в общественной жизни. Так, в трактате Бава Меция подчеркивается: «Не притесняйте пришельца ни словами, ни делами» (Baba Metzia 59b), что фактически вводило ранние гарантии против дискриминации чужеземцев.<sup>5</sup>

Г. Берман, анализируя традицию иудаизма, подчёркивает, что это была ранняя форма принципа недискриминации, впоследствии закреплённого в международных актах.<sup>6</sup>

Христианство внесло не менее значимый вклад. Институт убежища (jus asyli), закреплённый в каноническом праве, позволял каждому преследуемому искать защиту в храмах. Как отмечает У. Шабас, именно каноническое право впервые сформировало доктрину «права на убежище».<sup>7</sup> Институт убежища закреплялся не только в канонических комментариях, но и в решениях Вселенских соборов. Так, Третий Латеранский собор 1179 г. подтвердил неприкосновенность храмов для ищущих защиты, а постановления Четвертого Латеранского собора 1215 г. развили эту практику, превратив право убежища в обязательный элемент церковного права.<sup>8</sup> Христианская мысль, базировавшаяся на идее равенства всех людей перед Богом («нет ни эллина, ни иудея» — Гал. 3:28), стала ценностным источником гуманистического начала в миграционном праве.<sup>4</sup>

Исламская правовая традиция развила концепцию мустамин — иностранца, находящегося под временной защитой мусульманского государства. Шариат предписывал предоставлять такому лицу гарантии безопасности жизни и имущества. Более того, Коран (сура 4:97–100) признавал право человека покинуть землю, где нарушается его свобода веры, что фактически означало закрепление принципа свободы миграции.<sup>9</sup> Наряду с институтом мустамина исламское право знало категорию ахль аз-зимма — людей договора (в первую очередь христиан и иудеев), получавших право на постоянное проживание и защиту в обмен на уплату налога джизья. Этот институт, как отмечает М.А. Бадерин, можно рассматривать как раннюю форму правового признания меньшинств и обеспечения им определённого статуса в мусульманских обществах.<sup>10</sup>

Для системного сопоставления исламско-правовых институтов с современными началами международной защиты показателен анализ Л.Р. Сюкияйнена, раскрывающий устойчивые гуманистические элементы мусульманско-правовой культуры, в том числе в аспекте статуса «странника» и защиты перемещённых лиц.<sup>11</sup>

Эпоха раннего Нового времени привнесла секуляризацию регулирования миграции. Возникновение национальных государств сопровождалось введением паспортных систем и формированием договоров о переселении. При этом религиозные нормы не исчезли, но были подчинены государственным интересам.

Колониальные державы (Испания, Великобритания, Франция) использовали миграцию как инструмент экономической экспансии и колониального контроля. Как демонстрирует Дж. Торпей, именно в раннем модерне государства «монополизировали законные средства перемещения», превратив контроль над мобильностью в элемент суверенной власти.<sup>12</sup>

XX век стал переломным моментом. После Первой мировой войны и особенно после Второй мировой войны международное сообщество осознало необходимость универсальных гарантий для вынужденных мигрантов. Женевская конвенция 1933 г. о международном статусе беженцев<sup>13</sup> впервые закрепила обязательства государств в отношении данной категории лиц. Конвенция 1951 г.<sup>1</sup> и Протокол 1967 г.<sup>14</sup> сформировали основу современного права беженцев, закрепив принцип *non-refoulement* (невысылки), который уместно называть «краеугольным камнем международного права защиты личности».<sup>7</sup>

Современный этап характеризуется двоякой динамикой. С одной стороны, укрепляются универсальные стандарты: в 2018 г. принят Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и регулярной миграции<sup>2</sup>, закрепивший приоритет прав человека при регулировании миграции и необходимость развития легальных каналов. С другой — национальные государства усиливают контроль (реадмиссия, депортации, визовые барьеры), что порождает устойчивый конфликт между гуманистическими ценностями и государственным суверенитетом.

При этом, современная католическая социальная доктрина также придаёт особое значение защите мигрантов. В послании Папы Франциска «Посланники мира» (2018) подчеркивается, что «каждый мигрант имеет имя, лицо и историю» и что государственная миграционная политика должна строиться на принципах милосердия и солидарности.<sup>15</sup>

Научная полемика отражает эти противоречия. Н.Н. Зинченко утверждает, что миграционное право остаётся частью международного права, формирующейся в логике универсализации и институционализации стандартов.<sup>16</sup> И.А. Умнова-Конюхова, напротив, рассматривает миграционное право как самостоятельную комплексную отрасль нового поколения, соединяющую национальные и международные начала.<sup>17</sup>

В зарубежной доктрине С. Сассен показывает, как глобальные трансформации смещают границы суверенитета и превращают миграцию в структурный вызов национальным правовым порядкам.<sup>18</sup>

Авторская позиция заключается в том, что миграционное право является гибридным институтом. Его гуманистическая направленность уходит корнями в религиозные традиции, а современная универсализация стандартов — результат длительной исторической эволюции.

Миграционное право не сводится ни к сугубо национальному, ни к исключительно международному праву; это «узловая» система, в которой пересекаются ценностные (религиозно-этические), институциональные (национальные/международные) и функциональные (безопасность/права человека) начала.

Отсюда вытекает практический вывод: эффективные миграционные режимы XXI века — это не только контроль и фильтрация, но и институциональные гарантии правового статуса личности, укоренённые в общем гуманистическом наследии.

**Список литературы:**

1. Convention relating to the Status of Refugees. — Geneva, 28 July 1951 // United Nations Treaty Series. — Vol. 189. — P. 137.
2. Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration. Resolution adopted by the General Assembly on 19 December 2018 (A/RES/73/195). — United Nations, New York, 2019. — URL: <https://www.un.org/en/migrationcompact> (дата обращения: 09.09.2025).
3. Kaser M.; Knütel R.; Lohsse S. Römisches Privatrecht. 22., neubearb. Aufl. — München: C.H. Beck, 2021.
4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета (Синодальный перевод). — М.: Российское библейское общество, 2007.
5. The Babylonian Talmud. Tractate Baba Metzia 59b // The Talmud of Babylonia. Trans. by I. Epstein. — London: Soncino Press, 1935.
6. Berman H. Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983.
7. Schabas W. The Customary International Law of Human Rights. — Oxford: Oxford University Press, 2021.
8. The Qur'an. Translation by M.A.S. Abdel Haleem. — Oxford: Oxford University Press, 2016.
9. Decrees of the Ecumenical Councils. Vol. 1: Nicaea I to Lateran V / Ed. Norman P. Tanner. — London; Washington, DC: Sheed & Ward; Georgetown University Press, 1990.
10. Сюкияйнен Л.Р. Шариат и мусульманско-правовая культура. — М.: Институт государства и права РАН, 1997.
11. Baderin M.A. International Human Rights and Islamic Law. — Oxford: Oxford University Press, 2003.
12. Torpey J. The Invention of the Passport: Surveillance, Citizenship and the State. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999. — 2nd ed., 2018.
13. Convention relating to the International Status of Refugees. — Geneva, 28 October 1933 // League of Nations Treaty Series. — Vol. 159. — P. 199.
14. Protocol relating to the Status of Refugees. — New York, 31 January 1967 // United Nations Treaty Series. — Vol. 606. — P. 267.
15. Pope Francis. Message for the 104th World Day of Migrants and Refugees: “Welcoming, Protecting, Promoting and Integrating Migrants and Refugees” (14 January 2018). — Vatican: Libreria Editrice Vaticana, 2018. — URL: <https://www.vatican.va> (дата обращения: 09.09.2025).
16. Зинченко Н.Н. Миграционное право в международно-правовой доктрине и практике: становление и перспективы развития: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М.: Дипломатическая академия МИД РФ, 2012. — 48 с.

17. Умнова-Конюхова И.А. Миграционное право как отрасль современного права: особенности становления и развития // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. — 2023. — № 2. — С. 7–20. — DOI: 10.31249/iajpravo/2023.02.01.
18. Sassen S. Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy. — Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 2014.